

© 2018 г.

А. В. ШУБИН

СССР И МЮНХЕНСКИЙ ДОГОВОР 1938 года

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640000107-5

«Мюнхенский сговор» является пиком политики «умиротворения», а также косвенным оправданием последующего сближения СССР с Германией. Советская политика до Мюнхена демонстрировала приверженность «коллективной безопасности». Однако сегодня искренность этой приверженности подвергается некоторому сомнению. Поэтому исследование и обсуждение советской политики в связи с Судетским кризисом остается актуальной задачей.

ПРОБЛЕМА МОТИВОВ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

17 марта 1938 г., после аншлюса Австрии нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил на пресс-конференции о готовности СССР участвовать в коллективных действиях против дальнейшей германской агрессии и предложил созвать международную конференцию для обсуждения возможных мер в этом направлении. Историк С. З. Случ пишет, что «это заявление Литвинова все еще интерпретируется в российской историографии как конструктивная акция по организации коллективного противодействия агрессии»¹. С этой точкой зрения С. З. Случ не согласен: ведь Литвинов писал Сталину, что демарш 17 марта не наложит на СССР дополнительных обязательств, достигнув цели, которая, по мнению С. З. Случа, «имела мало общего с озвученными на пресс-конференции намерениями». Литвинов сообщал даже не об одной, а о нескольких целях, среди которых — поддержка правительства Народного фронта во Франции и британской оппозиции «умиротворенцу» Н. Чемберлену, «приободрение» Чехословакии (ЧСР) и других малых стран. Своим заявлением Литвинов также надеялся возложить ответственность за дальнейшие действия на Англию и отвлечь внимание мировой общественности от хода и последствий террора в СССР². Приведя эти положения, С. З. Случ утверждает, что «советское руководство вовсе не собиралось предпринимать какие-либо реальные шаги, чтобы противодействовать агрессии... потому что преследовало другие цели»³. Но из документа такой вывод не следует. Более того, «приободрение» Чехословакии, давление на Великобританию и поддержка правительства Франции как раз и были направлены на противодействие агрессии Германии, т.е. лежали в русле намерений, названных Литвиновым 17 марта. Что касается более реальных шагов, то, как следовало из заявления Литвинова, они должны были быть коллективными, что уже зависело от Великобритании и Франции.

¹ Случ С. З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства. — Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009, с. 117.

² Там же, с. 117—118.

³ Там же, с. 117—118.

С. З. Случ считает, что репрессии, особенно в армии, фактически исключали для СССР «проведение активной внешней политики в условиях усиления агрессивных действий держав “оси”» и ставит вопрос: «Осознавал ли Сталин недееспособность своей внешней политики, усугублявшуюся нараставшей изоляцией СССР на международной арене?»⁴. С. З. Случ отвечает на этот вопрос положительно, что предопределяет последующую концепцию автора об «изоляционистском курсе»⁵ СССР в 1938 г. Мол, Сталин боялся воевать и поэтому лишь имитировал борьбу против нацистской агрессии.

Но так ли это? Обстановка террора не помешала Сталину не только продолжить помощь Испании, что явно было признаком активной внешней политики, но и оказывать военную помощь Китаю против Японии. Так что Сталин не считал, что СССР не обладает возможностью вести активную внешнюю политику, вплоть до использования в 1938 г. вооруженных сил у озера Хасан. СССР продолжал в 1938 г. вести активную внешнюю политику. Другое дело, что Сталин не собирался в одиночку воевать с Германией. Более того, он опасался, что британские и французские политики спровоцируют конфликт СССР и Германии, а сами останутся в стороне. Располагая за плечами опытом политики «невмешательства» в Испании, Сталин имел все основания не доверять Франции и тем более Великобритании. Выступив в «Правде» 14 февраля 1938 г. с рассуждениями о том, как защитить СССР от внешнего вторжения, Сталин говорил о «соединении серьезных усилий международного пролетариата с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа», не упоминая политику коллективной безопасности. Это вызвало неудовольствие французского посла Р. Кулондра. Литвинов разъяснил Кулондру, что «тов. Сталин не говорит, что мы отказываемся от сотрудничества с другими странами, а что эти страны все больше становятся на путь, враждебный нам, и отклоняют сотрудничество»⁶.

Какие же цели преследовало советское руководство, если не сопротивление продвижению германской агрессии в сторону СССР? С. З. Случ считает, что оно надеялось «остаться вне конфликта, сохранив при этом лицо»⁷. То есть заявления советских представителей в защиту Чехословакии делались для проформы, а с самого начала до конца Чехословацкого кризиса Сталин боялся реальной войны, потому что дезорганизовал армию репрессиями.

Но для того чтобы спокойно «сдать» Чехословакию Гитлеру, советским руководителям достаточно было негласно договариваться с Францией о невмешательстве (благо почва для этого там была готова). Ведь участие СССР в военной помощи ЧСР зависело от участия Франции. Раз Сталин считал, что он дезорганизовал армию и воевать не может ни при каких условиях, советские представители ни в коем случае не должны были выступать с рискованными антигитлеровскими инициативами, критиковать и разоблачать англо-французскую политику «умиротворения». Ведь время от времени ситуация была неопределенной, и позиция СССР могла «по неосторожности» спровоцировать неуступчивость англо-французских политиков в отношении Германии, вызвать войну, в которую был бы втянут СССР. Да и «чехословаков» в таком случае нельзя было «приободрять».

С. З. Случ оговаривает, что для Сталина было характерно «желание остаться вне международных конфликтов, пока участие в них, опираясь на одну из сторон, не принесет, с точки зрения Сталина, ощутимые, прежде всего территориальные

⁴ Там же, с. 115.

⁵ Там же, с. 122.

⁶ Там же, с. 116.

⁷ Там же, с. 119.

выгоды»⁸. Получается, что Сталин не так уж боялся дезорганизации Красной Армии из-за террора и готов был повоевать, «опираясь на одну из сторон». Что, собственно, и требовалось доказать, чтобы вернуться на традиционную точку зрения о готовности СССР поддержать Чехословакию вместе с Францией. Намек на известные обстоятельства 1939—1940 гг. в связи с ситуацией 1938 г. не уместен. СССР активно участвовал в конфликте в Испании, очевидно не преследуя цель приобретения «территориальной выгоды».

24 марта 1938 г. британский премьер-министр Чемберлен отклонил советские предложения. Это не стало неожиданностью. Даже продолжая следовать курсу «коллективной безопасности», советское руководство должно было соблюдать осторожность. Поддержка Чехословакии позволяла сдерживать германский экспансионизм вдали от советских границ. Но при этом важно было не попасть в капкан, расставленный Советскому Союзу сторонниками политики «умиротворения».

СОВЕТСКИЕ СОМНЕНИЯ

Тревогу в Москве вызывали и сигналы, приходившие из Чехословакии. Было важно понять: а будет ли Чехословакия сражаться с Германией в полную силу, если та нападет? Еще 1 августа 1936 г. полпред СССР в Чехословакии С. С. Александровский докладывал: «Прежде всего констатирую, что в правительственных кругах и широкой общественности Чехословакии с катастрофической быстротой нарастают капитулянтские настроения в отношении Германии и укрепляется сознание краха бенешевской концепции внешней политики, ищущей опереться на Францию и СССР под эгидой Лиги Наций... С момента занятия Гитлером Рейнской зоны чехи пришли к пониманию невозможности получить реальную военную помощь от Франции. Разочарование во Франции, созданное эпохой политики Лаваля, вылилось в форму неверия в ее помощь. Если раньше линия Мажино воспринималась как трамплин для удара по Германии, то теперь — как преграда для него»⁹. Такие сообщения не прибавляли в Москве уверенности в том, что Прага — надежный партнер в борьбе с Германией.

Но, несмотря на рост капитулянтских настроений, они, по мнению Александровского, пока не преобладали, и «Чехия готова решительно бороться за свою государственную и национальную самостоятельность. Бенеш лично мне говорил, что если чехам придется уйти из Европы, то они, уходя, так хлопнут дверью, что Европа долго этого не забудет»¹⁰. Это сочетание капитулянтства и бравады сохранялось до 1938 г., затрудняя оценку ситуации советским руководством.

Настроение чехословацких военных было деловым. 5 июля 1936 г. начальник Генерального штаба РККА маршал А. И. Егоров докладывал наркому обороны К. Е. Ворошилову о своем визите в Чехословакию. Начальник штаба чехословацкой армии Людвик Крейчи говорил Егорову: «Промышленность работает по военному варианту с полной нагрузкой. В течение двух лет на вооружение будет израсходовано 10 миллиардов крон»¹¹. После занятия Рейнской зоны нужно строить новые укрепления. Чехословакия планирует потратить 10 млрд крон на фортификационные работы за три-пять лет. Сначала планировалось строить германский участок, затем австрийский, венгерский, польский. «При упоминании французской помощи был замечен явный пессимизм и даже оговорка о том, что эта помощь, по времени отдаленная, имеет общестратегическое значение и исключает расчеты и надежды

⁸ Там же, с. 122.

⁹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА), ф. 33987, оп. 3а, д. 880, л. 175.

¹⁰ Там же, л. 178.

¹¹ Там же, л. 148.

на непосредственное оперативное взаимодействие чехословацкой и французской армий. Более реальной помощью является Красная Армия». Но для этого Румыния и Польша должны пропустить РККА через свою территорию. Крейчи убеждал Егорова, что с Румынией проблем не будет. Егоров возразил, что план похода Красной Армии можно вырабатывать после согласия Румынии и когда будет известен план французов, «ибо, как известно из основ пакта, мы выступим только в том случае, когда выступят французы». Егоров настаивал, что Чехословакия должна повлиять на Румынию через Францию и Малую Антанту¹².

Вероятно, Крейчи специально преуменьшал надежды на Францию: ведь он беседовал с советским представителем. Но действительно после беспрепятственного занятия Рейнской зоны и начала строительства там немецких укреплений надежды на помощь Франции несколько ослабли.

Чехословакия рассчитывала и на воздушную помощь СССР, была готова к приему 18 эскадрилий. Готовились аэродромы еще для 16 эскадрилий¹³. Это при том, что собственная военная авиация ЧСР включала 400—500 самолетов и около 600 летчиков¹⁴. В условиях, когда позиция Румынии оставалась неясной, а Польши — даже прогерманской, воздушная помощь могла быть наиболее перспективной.

Когда в марте 1938 г. Великобритания и Франция не поддержали демарш Литвинова, в СССР это вызвало разочарование и пессимизм в отношении судьбы ЧСР. 26 марта 1938 г. Литвинов писал полпреду Александровскому, что «гитлериизация Австрии предопределила судьбу Чехословакии», на твердость оппортуниста Эдварда Бенеша рассчитывать не приходится, и «в теперешнем окружении Чехословакия долго существовать не может»¹⁵.

Однако события вокруг Чехословакии развивались нелинейно. Брутальный натиск Гитлера вызывал возмущение в Париже и Лондоне. Когда в мае 1938 г. ситуация вокруг Судет обострилась, 21 мая послы Великобритании и Франции объявили рейхсминистру иностранных дел И. фон Риббентропу, что Германии будет объявлена война в случае ее нападения на Чехословакию. Гитлер предпочел отступить, тем более что нападение еще не было подготовлено.

28 мая 1938 г. чехословацкий посол в СССР З. Фирлингер говорил первому заместителю наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкину, что во время этой военной тревоги Румыния сообщила о готовности выступить в конфликте на стороне Франции¹⁶. Казалось бы, это решало проблему пропуска советских войск в Чехословакию. Но Румыния не спешила обсуждать возможность такого прохода. Бенеш опасался сорвать «тонкую игру» западных партнеров и убеждал Александровского, что запрашивать Румынию о пропуске советских войск на данном этапе «прямо опасно»¹⁷.

По словам Бенеша, сказанным Александровскому, чехословацкая армия, в случае нападения Германии и ее союзников, надеялась парировать удары с севера и юга и отступать на восток. Первое сражение собирались принять на Влтаве, обороняя Прагу. После падения Праги вторая линия обороны удерживалась бы на чешско-моравском плоскогорье, а третья — на моравско-словацкой границе. По планам чехословацкого генштаба, это позволяло продержаться три-четыре месяца¹⁸.

¹² Там же, л. 150.

¹³ Там же, л. 149.

¹⁴ Там же, л. 111, 137.

¹⁵ Цит. по: *Случ С. З.* Указ. соч., с. 118.

¹⁶ РГВА, ф. 33987, оп. 3а, д. 1144, л. 116.

¹⁷ Там же, л. 123.

¹⁸ Там же, л. 126.

Еще 18 мая 1938 г. Бенеш говорил Александровскому о французских премьер-министрах: «От Шотана можно было ожидать любых внешнеполитических колебаний и никогда не было известно, что он думает в действительности и что намерен делать». Бенеш уверял, что в сегодняшней Франции Даладье является наиболее крепкой, волевой фигурой, и на него можно довольно твердо рассчитывать как на компаньона и как на союзника в борьбе. Бенеш был не согласен с парадоксальным утверждением, что Франция в лице Даладье «нашла своего Чемберлена»¹⁹.

12 июня 1938 г. Даладье торжественно заявил, что французские обязательства перед чехами «священны». Тогда же Чемберлен неофициально проинформировал Берлин, что был бы не против видеть Судеты перешедшими к Германии, но цивилизованным путем референдума. Великобритания не была связана союзническими обязательствами с Чехословакией, но была одним из создателей и защитников Версальской системы, в том числе и чехословацких границ.

В конце августа 1938 г. на Совете Лиги Наций министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ спросил Литвинова о том, как планирует действовать СССР в случае агрессии Германии против Чехословакии. Литвинов ответил, что «все будет зависеть от образа действий самой Франции». СССР готов действовать, но Франция должна оказать давление на Польшу и Румынию, чтобы «обеспечить беспрепятственный пропуск ими советских вооруженных сил»²⁰. Однако вскоре пришел ответ: «Боннэ поручает посольству информировать т. Литвинова, что попытки французского правительства оказать упомянутое воздействие на Польшу и Румынию не дали положительных результатов»²¹.

Проход для предотвращения агрессии был предусмотрен статьей 16 устава Лиги Наций. Но поляки не забывали, что во время гражданской войны в России и в ходе советско-польской войны смогли продвинуть границу далеко на восток, включив в состав Речи Посполитой обширные территории, населенные украинцами и белорусами. Поэтому руководство Польши опасалось, что, вступив на территорию страны, советские войска просто так уже не уйдут. Румыния по аналогичным мотивам боялась за Бессарабию. Подобные опасения не были чужды и Бенешу. В Чехословакии существовала сильная коммунистическая партия; не будет ли она претендовать на власть, если советский десант высадится в Праге с дружественной миссией?

Поэтому, как писал советский историк Д. М. Проэктор, «для Бенеша всякий активный шаг англичан служил источником оптимизма, прямым доказательством его убежденности в неразрывных связях его страны с Западом, который в решающую минуту станет рядом»²². Бенеш говорил британскому послу Б. Ньютону 17 мая 1938 г.: «Отношения Чехословакии с Россией всегда имели и будут иметь второстепенное значение, которое зависит от позиции Франции и Великобритании. Нынешний союз Чехословакии с Россией полностью зависит от франко-русского договора, однако если Западная Европа утратит интерес к России, то Чехословакия его тоже утратит. Он повторил, что его страна всегда будет следовать за Западной Европой и будет связана с Западной, а не Восточной Европой. Любые связи с Россией будут осуществляться только через Западную Европу, и Чехословакия не будет орудием русской политики»²³. Впрочем, в свое время, 14 октября 1936 г., Бенеш заверял советского полпреда, что в случае соглашения с Германией, «такое соглаше-

¹⁹ Там же, л. 118.

²⁰ Там же, д. 1146, л. 127.

²¹ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937—1939. М., 1979, с. 186.

²² Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989, с. 134.

²³ Документы по истории Мюнхенского сговора, с. 107—108.

ние НИ ПРИ КАКИХ условиях не будет за счет нынешних союзов Чехословакии, к каковым принадлежит и пакт о взаимной помощи с СССР»²⁴.

Летом стало ясно, что, как писал в августе 1938 г. Литвинов Сурицу и Александровскому, «Англия и Франция как будто взяли на себя опеку над Чехословакией, совещаются и принимают решения, нас не спрашивая, и, по-видимому, в нашей помощи не нуждаются». «Конечно, мы чрезвычайно заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в торможении гитлеровского устремления на юго-восток, но мы без западных держав вряд ли можем что-нибудь предпринять, а последние не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас и между собою решают все, касающееся германо-чехословацкого конфликта»²⁵. Все это крайне сужало возможности участия СССР в поддержке Чехословакии при всем желании это делать.

Советские представители настаивали, что, «если Англия и Франция захотят и сумеют занять твердую позицию в отношении Германии, ЧСР будет спасена, а европейский мир на долгое время обеспечен»²⁶. Лишь в сентябре 1938 г. произошли события, которые на короткое время создали впечатление, что это возможно.

Борьба с германской агрессией была в это время важнейшей внешнеполитической задачей СССР. Какими бы мотивами ни руководствовался Советский Союз, его позиция в оценке германской угрозы выглядит более убедительной, чем позиция западных сторонников политики «умиротворения». Литвинов говорил министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу: «Англия делает большую ошибку, принимая гитлеровские мотивировки... за чистую монету. Англия делает вид, как будто дело действительно лишь в правах судетских немцев и что стоит эти права расширить, как опасность может быть устранена. На самом же деле Гитлеру также мало дела до судетских, как и до тирольских немцев; речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе»²⁷.

СЕНТЯБРЬСКИЙ КРИЗИС И СССР

12 сентября 1938 г. Гитлер обрушился на Чехословакию с грубыми оскорблениями, обвиняя ее в насилиях над немцами и обещая войти в Судетскую область ЧСР. Для этого нужно было срочно спровоцировать такие насилия. В Судетах вспыхнуло восстание местных нацистов, но через два дня оно было подавлено. Погибло несколько десятков человек. Судетские немцы — социал-демократы сражались на стороне чехов. Даже в этих условиях Бенеш был готов на переговоры с лидером Судетской немецкой партии К. Генлейном и на удовлетворение его новых требований, вплоть до вывода чехословацких войск из населенных пунктов, охваченных мятежом. Но 13 сентября 1938 г. Генлейн не явился на уже назначенные переговоры²⁸. Бежав в Германию, он 15 сентября выступил по радио и потребовал передачи Судет Германии: «Мы хотим домой в Рейх»²⁹. В Германии были арестованы 140 заложников-чехов, которые должны были быть расстреляны в случае, если чехословацкие власти казнят схваченных ими повстанцев-нацистов³⁰.

²⁴ РГВА, ф. 33987, оп. 3а, д. 867, л. 268.

²⁵ Цит. по: Случ С. З. Указ. соч., с. 132.

²⁶ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934—1943, кн. 1. М., 2006, с. 250.

²⁷ Документы по истории Мюнхенского сговора, с. 122.

²⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии, т. 1. М., 1948, с. 229.

²⁹ Кретицин С. В. Судетские немцы: народ без родины. 1918—1945. Воронеж, 2000, с. 166.

³⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, т. 1, с. 192, 196.

15 сентября 1938 г. на переговорах с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом в Берхтесгадене, Гитлер потребовал скорейшей передачи населенной немцами Судетской области из Чехословакии в Рейх.

Чемберлен подтвердил Гитлеру, что поддерживает право наций на самоопределение. Судетские немцы должны определить свою судьбу на референдуме. Но теперь ему необходимо проконсультироваться с французами. Чемберлен улетал из Германии, взяв с Гитлера слово, что до следующей их встречи Германия не предпримет силовых действий. Гитлер сумел обаять премьер-министра Великобритании: «у меня сложилось впечатление, что *это — человек, на слово которого можно положиться*»³¹.

16 сентября 1938 г. на совещании с министрами Чемберлен получил поддержку курса на «самоопределение» Судет в пользу Германии. 19 сентября премьер-министры Великобритании и Франции договорились об их совместных требованиях к Чехословакии. Они считали, что «дальнейшее сохранение в границах чехословацкого государства районов, населенных главным образом судетскими немцами, фактически не может более продолжаться без того, чтобы поставить под угрозу интересы самой Чехословакии и интересы европейского мира». Все территории, где немецкое население составляло более половины, должны немедленно перейти к Германии для «поддержания мира и безопасности и жизненных интересов Чехословакии»³². Поскольку жизненные интересы явно страдали от изъятия военных заводов и оборонительных рубежей, Великобритания и Франция давали гарантии новых границ Чехословакии. Эти гарантии заменяли франко-чехословацкий и советско-чехословацкий договоры. Таким образом, СССР выдавливался из европейской политики.

О референдуме, на котором жители спорных областей должны были высказаться, в какой стране они хотели бы жить, не упоминалось. Черчилль писал о лидерах Великобритании и Франции: «В одном они были все согласны — с чехами не нужно консультироваться. Их нужно поставить перед совершившимся фактом решения их опекунов. С младенцами из сказки, брошенными в лесу, обошлись не хуже»³³.

20 сентября 1938 г. этот ультиматум был отвергнут чехословацким руководством. В случае принятия этих требований (что нельзя сделать без решения парламента) «были бы полностью подорваны экономика и транспорт Чехословакии, а в стратегическом отношении она попала бы в исключительно тяжелое положение». Чехословацкое правительство было готово пойти на арбитраж, третейский суд Лиги Наций, который был предусмотрен германо-чехословацким договором 1926 г.³⁴

21 сентября 1938 г. британское правительство направило правительству ЧСР ноту, в которой говорилось: «Ответ чехословацкого правительства никак не соответствует тому критическому положению, которое стремились предотвратить англо-французские предложения... Поэтому правительство Его Величества предлагает чехословацкому правительству взять этот ответ обратно и безотлагательно найти иное решение, исходя из реальной обстановки»³⁵. 21 сентября чехословацкое правительство приняло британско-французские условия «с горечью» и «как нераздельное целое»³⁶. В этих условиях 21 сентября, выступая в Лиге Наций, Литвинов раскритиковал как агрессоров, так и тех, кто снисходительно относится к наруше-

³¹ Черчилль У. Вторая мировая война, т. 1. М., 1991, с. 138.

³² Документы и материалы кануна Второй мировой войны, т. 1, с. 203.

³³ Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 139.

³⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, т. 1, с. 220—222.

³⁵ Там же, с. 224—225.

³⁶ Там же, с. 239—240.

ниям норм международного права. Он подтвердил, что СССР готов оказать военную помощь ЧСР. Таким образом, Советский Союз показал, что он является более последовательным защитником «коллективной безопасности», чем Великобритания и Франция. Помимо очевидного агитационного смысла такой позиции, она была фактором давления на ЧСР в сторону неуступчивости.

С. З. Случ полагает, что в советском генштабе, по всей видимости, не разрабатывался план действий РККА в случае войны из-за Чехословакии³⁷. Может ли хотя бы это служить доказательством того, что советское руководство исключало возможность такой войны? Как мы видели, маршал Егоров еще в 1936 г. говорил чехословацким партнерам, что конкретные планы действий можно обсуждать только вместе с французами и румынами. Действительно, как можно планировать конкретные мероприятия по проходу через Румынию, пока не известно, какой коридор Румыния предоставит?³⁸ Что касается военных действий непосредственно на территории Чехословакии, то для этого советскому генштабу не следовало придумывать какой-то собственный план, ибо существовал план обороны, разработанный в чехословацком генштабе и известный советской стороне. Советское руководство настаивало на тройственных франко-чехословацко-советских переговорах штабов, а не на двусторонних³⁹. В СССР имели все основания опасаться, что советско-чехословацкие действия не будут поддержаны Францией, и в этом случае СССР окажется втянутым в войну с Германией без поддержки Великобритании и Франции. В такую геополитическую ловушку Сталин не собирался попадаться. Поэтому-то в текст советско-чехословацкого договора 1935 г. и было включено условие участия Франции в совместных действиях по защите Чехословакии. 1 сентября 1938 г. Литвинов после беседы с французским послом Ж. Пайяром направил телеграммы С. С. Александровскому, Я. З. Сурицу и И. М. Майскому с указанием ознакомить чехословацкое, французское и английское правительства о том, что СССР еще раз призывает «созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий» и «созвать совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира». В телеграмме подчеркивалось, что «такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации, которая, несомненно, получит моральную поддержку со стороны Рузвельта, имеет больше шансов удерживать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры»⁴⁰.

17 сентября министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта заявил, что «СССР делает для Чехословакии больше, чем можно требовать от него согласно договору»⁴¹.

Но Польша и Румыния не предоставляли прохода Красной Армии. Более того, Польша и Венгрия выдвинули свои территориальные претензии к Чехословакии и настаивали на референдуме во всех частях Чехословакии. 21 сентября 1938 г. Польша потребовала от Чехословакии отдать Тешинский округ. Уговоры британских и французских представителей повременить с этим оказались безрезультатными: поляки отвечали, что и так слишком долго ждали, и если обстановка разрядится, то Чехословакия вряд ли вернется к этой теме. 25 сентября Чехословакия в принципе

³⁷ Случ С. З. Указ. соч., с. 121—122.

³⁸ В 1939 г. во время переговоров с Великобританией и Францией, когда вопрос встал в практическую плоскость, генштаб РККА оперативно подготовил план движения советских войск. Но в 1938 г. ни Франция, ни Румыния практически не вели военные переговоры с СССР.

³⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939. Т. 1. Ноябрь 1937 г. — дек. 1938 г. М., 1981, с. 144, 146.

⁴⁰ Документы по истории Мюнхенского сговора, с. 188; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939, т. 1. М., 1981, с. 144, 146.

⁴¹ Новые документы по истории Мюнхена, т. 2. М., 1958, с. 91.

согласилась на уступки Польше. «Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства»⁴², — заметил У. Черчилль.

21 сентября 1938 г. Бенеш объявил мобилизацию. 22 сентября генлейновцы захватили города Аш и Эгер. 22 сентября Гитлер и Чемберлен встретились в Годесберге на Рейне. Услышав условия Чемберлена, Гитлер был потрясен масштабом уступок, но решил не подавать вида и давить дальше. Теперь Гитлер требовал еще больших территорий и кратчайших сроков занятия немецких районов, а также плебисцита в остальной части Судет. Он запланировал военный удар по Чехославии на 1 октября 1938 г. и не хотел менять сроки. Чемберлен, в свою очередь, был крайне раздражен. Он понимал, что, если соглашение сорвется, его политическая карьера может закончиться крахом. Ведь он и так слишком далеко зашел, убеждая политическую элиту Великобритании, что с Гитлером можно договориться. Но договориться не удавалось.

23 сентября 1938 г. Чемберлен сидел в гостинице и переписывался с Гитлером. И тогда Гитлер «пошел на уступки»: «он не стал бы занимать германскими войсками те области, в которых должен быть произведен плебисцит»⁴³. Чехословацкие войска должны быть эвакуированы из Судетской области к 1 октября. Гитлер представил Чемберлену карту, на которой к Германии должны были отойти все территории, где компактно проживали судетские немцы, даже если они были в меньшинстве. Причем чешское население должно было за два дня 26—28 сентября очистить эти территории, оставив все имущество.

Чтобы не считать переговоры полностью провалившимися, Чемберлен предложил Гитлеру изложить свои условия и согласился выступить в роли почтальона, передав их Чехославии. 23 сентября министр иностранных дел Великобритании Галифакс вызвал чехословацкого посла Масарика и вручил ему немецкое послание, привезенное «почтальоном» Чемберленом. При этом Галифакс принялся убеждать Масарика, что требования надо принять. Масарик горячо возражал.

Ответ Чехославии на годесбергский ультиматум был гордым: «Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов»⁴⁴. Эта гордая формула, правда, сохраняла свою силу несколько дней. Узнав об ультиматуме и благосклонной реакции на него Великобритании, 22 сентября премьер-министр ЧСР Годжа подал в отставку. В Праге начался грандиозный патриотический митинг, на который собралось около 250 тыс. человек. На нем уже председательствовал коммунист Кроснарж и выступали представители всех направлений — от правого радикала Р. Гайды до коммунистов. Генерал Я. Сыровый заявил на митинге, что армия только ждет приказа, чтобы вступить в бой⁴⁵. 23 сентября он возглавил правительство. 24 сентября после совещания с Даладье министр Кот заявил журналистам, что «Франция выполнит свой долг по отношению к Чехославии»⁴⁶.

Германия развернула против Чехославии 37 дивизий (в том числе 7 танковых и моторизованных). Еще 14 дивизий нужно было держать против Франции и 8 в резерве. Чехославия развернула 25 дивизий и еще 8 бригад. Соотношение по артиллерии было более 15 200 на 5 700 орудий, по авиации — более 3 300 на более 1 500, по танкам — 2 400 на около 400 танков и танкеток. Чехословацкая армия опиралась на 8 крепостей, 725 тяжелых дотов и 8 774 дзота. Франция мобилизовала

⁴² Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 156.

⁴³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии, т. 1, с. 250.

⁴⁴ Документы по истории Мюнхенского сговора, с. 148.

⁴⁵ РГВА, ф. 33987, оп. За, д. 1144, л. 330.

⁴⁶ Там же, л. 367.

1,5 млн человек, из которых развернула на границе с Германией 896 тыс. (37 дивизий) при более чем 1 200 танков и 1 600 самолетов. За спиной Франции стояла Великобритания с 20 дивизиями (400 тыс.) при 375 танках и более 1 700 самолетов первой линии. Соотношение сил было явно не в пользу Германии. Правда, против Чехословакии развертывалась группировка польских войск почти в 36 тыс. при 270 орудиях, более 100 танков и танкеток и более 100 самолетов. Но к польской границе выдвинулись почти 270 тыс. красноармейцев при более чем 2 200 орудий и 2 000 танков. На Волыни, близ советских границ, проводили учения пять польских дивизий и другие войска⁴⁷.

25 сентября 1938 г. Чемберлен встретился с французским генералом М. Гамеле-ном, который проинформировал британского премьера: пока чехословацкая армия будет сдерживать вермахт в Судетах, французы могут прорвать германский фронт на недостроенной линии Зигфрида. Правда, за это придется заплатить французской кровью, которой и так немало было пролито на полях Первой мировой войны.

Чемберлен делал все, чтобы избежать войны между Великобританией и Германией. Война вела к непредсказуемым последствиям, революционной перестройке Версальской системы в какую-то новую, явно с более широким участием СССР. Этого английские консерваторы не желали. 26 сентября Чемберлен вынужден был предупредить Гитлера: если он вторгнется в Чехословакию, Франция, а в этом случае и Великобритания, объявит Германии войну. В ответ в своей очередной речи Гитлер разразился проклятиями в адрес Чехословакии и не оставил сомнений у мира, что он готов к нападению. Несмотря на крайнее возбуждение, Гитлер не забыл поблагодарить Чемберлена за миротворческие усилия и напомнить, что, если Чехословакия отдаст Судеты, ей ничего более не будет угрожать: «нам не нужны чехи». И вообще, *«это мое последнее территориальное притязание в Европе»*⁴⁸.

В Англии с ужасом ждали удара немецкой авиации. Из Лондона, готовившегося к бомбардировкам, эвакуировали детей. Как сообщали 29 сентября К. Е. Ворошилову из Парижа, «Франция спешно готовится к войне. Официально рекомендуются гражданам покинуть Париж и поселиться в провинции»⁴⁹.

Войска Франции, Германии и Чехословакии занимали позиции вдоль границы. Венгрия и Польша надеялись на свой кусок Чехословакии. Но Румыния и Югославия предостерегли Венгрию от вмешательства, а Италия и не думала о мобилизации. Британский флот готовился к выходу в море для блокады германского побережья.

Как ни подсчитывай соотношение сил, «1 октября 1938 года Германия была не готова вести войну против Чехословакии, Англии и Франции одновременно, не говоря уже о России. Развязав войну, Германия быстро бы ее проиграла, и это стало бы концом для Гитлера и Третьего рейха»⁵⁰, — писал современник событий американский журналист У. Ширер.

СССР настойчиво подтверждал, что если Чехословакия попросит, то он готов выполнить военные обязательства перед ней. Но нужно уговорить Польшу или Румынию пропустить войска через их территорию. 22 сентября 1938 г. замнаркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин подтвердил чехословацкому послу З. Фирлингеру, что СССР готов соблюдать советско-чешский пакт, но советскому руко-

⁴⁷ Мельтюхов М. И. Красная Армия в условиях нарастания международного кризиса 1938—1939 гг. — Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009, с. 226—231.

⁴⁸ Цит. по: Черчилль У. Указ. соч., т. 1. с. 142.

⁴⁹ РГВА, ф. 33987, оп. 3а, д. 1144, л. 354.

⁵⁰ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха, т. 1. М., 1991, с. 463.

водству не ясно, как поведут себя Чехословакия и Франция⁵¹. В этих словах чувствовался скепсис и раздражение — вопрос о проходе советских войск к границам Чехословакии все еще не был решен. 23 сентября Фирлингер торжественно заявил Потемкину, что «новое правительство Чехословакии проникнуто твердой решимостью оборонять независимость страны, даже в том случае, если бы Чехословакия осталась совершенно одинокой»⁵².

23 сентября 1938 г. Литвинов даже предложил Сталину объявить «хотя бы частичную мобилизацию» и развернуть такую кампанию в прессе, чтобы убедить Гитлера и Бека в перспективе реальной войны. Но Сталин не согласился на такие действия⁵³. Ведь объявление о мобилизации российской армии в 1914 г. привело к войне еще до вмешательства Великобритании и Франции. Шуметь о мобилизации не стоило. Однако на практике неофициальные мобилизационные мероприятия Сталин санкционировал.

23 сентября 1938 г. правительство СССР пригрозило Польше, что в случае ее вооруженного вторжения в ЧСР будет разорван советско-польский пакт о ненападении, заключенный СССР и Польшей 25 июля 1932 г.⁵⁴ Польское правительство ответило резко, отвергнув вмешательство в дела Польши с Чехословакией. Польское государство и в дальнейшем жестко отвергало советские предложения.

Было немаловажно, что Чехословакия имела «потенциальное значение авиационной базы России»⁵⁵. Несмотря на отсутствие разрешения на пролет советской авиации над чужой территорией, 28 сентября нарком обороны СССР доложил о готовности к переброске в ЧСР 548 военных самолетов. Всего на западе страны было сосредоточено 2 690 самолетов — внушительная по тем временам сила. СССР сосредоточил на границе Польши 6 армейских групп, которые готовились к выступлению как против немцев, так и, если придется, против поляков. В конце сентября в боевую готовность была приведена часть войск Киевского, Белорусского и других военных округов. Из запаса было призвано 328,7 тыс. человек⁵⁶. Частичная мобилизация проводилась, просто без лишнего шума.

Советское руководство, судя по его действиям, хотело бы ввести войска в Чехословакию и стать участником решения важнейших европейских проблем, после чего с СССР уже нельзя было бы не считаться. Но этого явно не хотели в Лондоне.

Черчилль писал впоследствии: «Советские предложения фактически игнорировали... к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину»⁵⁷.

Чемберлен не оставлял надежд спасти мир в этой безвыходной ситуации. 26 сентября 1938 г. он направил Гитлеру новое предложение о встрече. Взвесив ситуацию, Гитлер 27 сентября направил Чемберлену телеграмму, в которой предложил передать это дело «на ваш суд», обсудив способ проведения плебисцита в Судетах. Это открыло путь к соглашению между Великобританией и Германией, к которому были привлечены Франция и Италия, но не Чехословакия и СССР.

⁵¹ РГВА, ф. 33987, оп. 3а, д. 1144, л. 289.

⁵² Там же, л. 291.

⁵³ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР), т. 21. М., 1977, с. 520; Вестник Архива Президента Российской Федерации: СССР — Германия. 1933—1941. М., 2009, с. 24.

⁵⁴ Документы по истории Мюнхенского сговора, с. 269; Документы и материалы кануна Второй мировой войны, т. 1, с. 214 — 215.

⁵⁵ Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 129.

⁵⁶ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. М., 2001, с. 167—172.

⁵⁷ Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 141.

МЮНХЕНСКАЯ РАЗВЯЗКА

Гитлер открыл Мюнхенскую конференцию днем 29 сентября 1938 г. небольшим докладом о том, что «существование Чехословакии в ее настоящем виде угрожает миру в Европе»⁵⁸. Он обещал войти в Судетскую область до 1 октября, но предпочел бы сделать это без вооруженных столкновений. Часть районов будут заняты немедленно, часть — после плебисцита. Чемберлен выразил свою радость тем, что «это совещание дает Европе новую передышку, в то время как еще вчера катастрофа казалась в непосредственной близости. Он вполне согласен с тем, что нужно действовать быстро, и он особо приветствует заявление фюрера о том, что он не хочет применять насилие, а желает создать порядок»⁵⁹. Муссолини был рад такому согласию лидеров Германии и Великобритании и заявил, «что, в принципе, все уже договорились и что сейчас речь идет только о том, чтобы превратить теорию в практику»⁶⁰. Даладье успокаивал себя тем, что «чешское правительство дало свое слово и должно его сдержать»⁶¹. Правда, правительство ЧСР вовсе не давало слово соглашаться со всем, о чем договорятся в Мюнхене.

Муссолини предложил создать комиссию, которая решит все спорные вопросы, и куда войдут представители высоких договаривающихся сторон и Чехословакии. В порядке «компромисса» срок окончания эвакуации переносился на 10 октября 1938 г. Чемберлен попытался заступиться за «священное право собственности» и задал вопрос: «Означает ли это, что фермеров вышлют, а их скот останется?». Гитлер утверждал, что скот угоняют чехи у немцев, и вообще не стоит отвлекаться на такие мелочи, когда решается проблема «европейского значения»⁶².

Чехословацких представителей пустили только в соседнюю с переговорами комнату. Таким образом, Чехословакия была низведена до положения страны, потерпевшей военное поражение от победоносной коалиции, заседавшей в основном зале.

В ночь на 30 сентября 1938 г. Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладье поставили свои подписи под соглашением. 1—10 октября немецкие войска должны были занять обширные территории, превышавшие по размерам Судеты. Чехословакия несла ответственность за сохранность сооружений и имущества, которое оставалось немцам. Международная комиссия, в которую пустили и представителей Чехословакии, должна была решать все спорные проблемы и затем провести референдумы в районах со смешанным населением — жители сами должны были определить, кому они будут принадлежать⁶³. Такое право не давалось больше никому в Европе. Впрочем, судетским чехам этого права тоже в итоге не предоставили. Комиссия решала все проблемы в пользу Гитлера: 13 октября референдумы отменили, и все смешанные территории были переданы Германии. Британия и Франция обещали гарантировать новые границы Чехословакии. Германия согласилась присоединиться к этим гарантиям, когда будут удовлетворены претензии также Венгрии и Польши⁶⁴.

После подписания Мюнхенского соглашения Чемберлен и Даладье вызвали представителей расчленяемой страны. Делегация во главе с послом В. Мастны и представителем министерства иностранных дел Х. Масаржиком ждала результатов

⁵⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии, т. 1, с. 273—274.

⁵⁹ Там же, с. 278.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, с. 280.

⁶² Там же, с. 282—283.

⁶³ Там же, с. 287—293.

⁶⁴ Там же, с. 294.

уже несколько часов. В полвторого ночи представителей ЧСР пригласили в зал, который уже покинули германская и итальянская делегации. Чемберлен познакомил их с уже заключенным соглашением и не стал выслушивать возражений⁶⁵. Зато он не отказал себе в удовольствии еще раз побеседовать с Гитлером, предложив ему дальнейшее развитие мюнхенской дипломатии для решения оставшихся в Европе кризисов и проблем, включая проблему Испании и... России. Гитлер подписал предложенное Чемберленом коммюнике, в котором определялось, «что метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран», что позволит «содействовать обеспечению мира в Европе»⁶⁶. На очереди были Польша, Румыния и Литва.

На родине Чемберлена встречала восторженная толпа лондонцев, исполнявшая хвалебную песнь «Потому что он прекрасный парень» в честь «старого доброго Невилла». «Прекрасный парень» взмахнул текстом совместного заявления с Гитлером и произнес историческую фразу: «Вот уже второй раз в нашей истории из Германии на Даунинг-стрит вернулся почетный мир. Я верю, что этот мир продлится в течение всей нашей жизни»⁶⁷. До начала Второй мировой войны в Европе оставалось меньше года.

5 октября 1938 г. Бенеш подал в отставку и позднее покинул страну. На прощание Бенеш заявил: «На Востоке Чехословакия имеет друга, заверившего ее в своей помощи и до конца оказавшегося верным своим обязательствам, чего забывать нельзя и на что нужно ориентироваться»⁶⁸.

Однако для «восточного друга» Мюнхенский договор стал крупным внешнеполитическим поражением и способствовал постепенному отказу советского руководства от политики «коллективной безопасности». СССР не просто был вытолкнут из системы принятия решений в Европе, которая теперь концентрировалась в закрытом клубе четырех держав. Мюнхенский договор положил начало серии территориальных перемен в Восточной Европе, которые вершились по воле или с согласия Гитлера и Муссолини. Польша захватила Тешинскую и Фриштатскую области в Силезии, Венгрия — часть Словакии. В марте 1939 г. немцы вошли в Прагу. Германия стала гегемоном Восточной Европы, и в западных столицах поговаривали, что СССР — следующая цель Гитлера.

В ноябре 1938 — марте 1939 гг. дипломатические круги оживленно обсуждали информацию о подготовке Гитлером похода на Украину. Министр иностранных дел Великобритании Галифакс писал в конце января: «Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией»⁶⁹. 30 ноября советник Чемберлена Г. Вильсон не без злорадства говорил советскому полпреду И. М. Майскому: «Следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышка восстания украинского населения, а затем освобождение Украины Гитлером под флагом самоопределения»⁷⁰.

Внешнеполитическая изоляция СССР стала фактом, а агрессия Германии и ее союзников — возможной угрозой. Этот страх не будет забыт и после того, как в марте 1939 г. очередная агрессия Гитлера вновь откроет некоторые возможности для возрождения политики «коллективной безопасности».

⁶⁵ Там же, с. 312—314.

⁶⁶ Там же, с. 457.

⁶⁷ Эмери А. Моя политическая жизнь. М., 1960, с. 532.

⁶⁸ РГВА, ф. 33987, оп. 3а, д. 1144, л. 392.

⁶⁹ Год кризиса. 1938—1939, т. 1. М., 1990, с. 201.

⁷⁰ ДВП СССР, т. 21, с. 658.